

Abstract. The article analyzes corpus contexts containing the biblical expression «The ways of the Lord are inscrutable» or its transformed version. The nature and frequency of transformations of the original expression is determined. Structural, semantic and structural-semantic transformations of biblicalism are presented. A conclusion is made about the reasons for the change in stable expression.

Keywords: biblicalism, stable expression, transformation, RNC.

УДК 811.161.1'42'37:821.161.1-3*В. Г. Распутин

Е. В. Калимуллина

Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова**,
канд. филол. наук, доцент

ОБРАЗ СИБИРИ В КНИГЕ В. Г. РАСПУТИНА «СИБИРЬ, СИБИРЬ...»: СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается семантическая наполненность образа Сибири – главного и важнейшего образа в творчестве В. Г. Распутина – на материале книги «Сибирь, Сибирь...», концентрирующей в себе основные идеи и темы творчества писателя. Образ Сибири рассматривается в контексте мифопоэтики писателя.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, книга «Сибирь, Сибирь...», художественный образ, Сибирь, мифопоэтика, семантика.

Книга «Сибирь, Сибирь...» (1991) Валентина Григорьевича Распутина (1937–2015) – уникальное произведение не только в творчестве писателя, но и в русской литературе XX–XXI вв. Это масштабное произведение концентрирует в себе главные идеи, проблемы и темы всего творчества писателя, а также раскрывает особенности, основные компоненты авторского мифопоэтического мышления. Произведение было рассмотрено в литературоведении рубежа веков (Ковтун Н. В., Плеханова И. И.), однако остаётся недостаточно изученным его жанровая специфика, мифопоэтика, образная система, семантика и символика.

В основе книги «Сибирь, Сибирь...» – концепция В. Г. Распутина о превосходстве природы над человеком. Человек связан кровными узами с природой – своим создателем, поэтому герои произведений Распутина «от рождения и до смерти ощущают свое родство с природой» [1, с. 300]. Природа вечна, она – космос, в котором человек занимает отведенное ему место, а если решается нарушить существующую гармонию, пытаясь подчинить себе природу, то действия его приводят к необратимому – катастрофам, влекущим гибель и творца, и творения.

Изображая современный мир, лишенный гармонии между человеком и природой, а потому кризисный, погибающий, Валентин Распутин сосредоточивается на поиске новых онтологических и этических этало-

нов и выстраивает универсальную модель бытия, в которой миф становится «первоначальным воплощением высшего идеала космического единства и гармонии природы и человека» [2, с. 7].

Мифопоэтическое мышление В. Г. Распутина определяет образную систему его прозы. Все образы и мотивы в художественном мире писателя взаимосвязаны, одним из ключевых является образ Сибири.

Реальное пространство Сибири живет в устной речи и памяти народа и мифологизируется. Т. Л. Рыбальченко отмечает, что Сибирь породила два антонимичных мифа о себе: первый миф о «первозданном рае, обетованной земле, дарующей несметные блага», а второй – «миф о мире смерти, гибельном пространстве» [3]. Подобной точки зрения придерживается и Валентин Распутин: с первых страниц книги Сибирь предстает перед читателем как уникальная «земля обетованная», место, наделенное сверхъестественной силой, райская обитель для живущих здесь – и устрашающее, порой гибельное место для людей, незнакомых с Сибирью. В описании Сибири как географического пространства, враждебного человеку, прослеживаются следующие коннотации: ‘холод’, ‘неприятность’, ‘выстуженность’, ‘смутность’, ‘страх’, ‘гибель’, ‘неприступность’ [4, с. 24–25, 42]. Об этом крае издревле бродили «смутные слухи» [4, с. 24], будоражащие воображение мифы о живущих здесь чудовищах, а сама Сибирь воспринималась как «великие и гиблые расстояния» [4, с. 30], дорога через которые есть сущий «ад» [4, с. 42]. Однако, по мнению писателя, образ неприступного сурового края моментально рассыпается, стоит лишь собственными глазами взглянуть на сибирскую землю, увидеть красоты и понять ее настоящее предназначение.

В. Г. Распутин неоднократно подчеркивает уникальность Сибири, утверждая, что ее нельзя ни с чем сравнивать («никакие сравнения ничего не скажут о Сибири»), «нет ничего в мире, что можно поставить в один ряд с ней» [4, с. 23]. У Сибири «свой характер», «свое место» как в истории нашей страны, так в мировой: «она могла бы существовать как самостоятельная планета» [4, с. 23], поскольку, по авторскому мнению, «в ней есть все, что должно быть на такой планете» [4, с. 23]. Распутин приводит примеры, когда Сибирь сравнивали с Перу, Мексикой и Америкой по ресурсным и природным потенциалам, но все эти сравнения абсолютно не подходят ей в силу ее обособленности и уникальности, потому как земля эта имеет свой дух, который «из конца в конец и из края в край над нею витает» [4, с. 23]. Именно этот дух дает надежду человечеству на «желанное обновление»: «В сущности, опершись на Сибирь ..., человечество могло бы начать новую жизнь» [4, с. 24]. В связи с этим возникают коннотации ‘спасение’, ‘надежда’, ‘целебная и спасительная сила’, ‘обновление’, о которых писатель говорит открыто: «И если слово “Сибирь” в своем коренном смысле не означает “спасение”, оно могло бы стать синонимом спасения. <...> и тогда русский человек не без основания мог бы считать, что он выполнил немалую часть своего очистительного назначения на Земле» [4, с. 24]. Распутин настолько уверовал

в спасительную силу Сибири, что сравнивает даже звучание самого слова с «набатным колоколом», «возвещающим что-то неопределенно могучее и предстоящее» [4, с. 23].

Говоря о неповторимости, о том, что Сибирь «отстоит от себе подобного в других местах» [4, с. 46], Распутин все же находит сравнение под стать своей родине. На протяжении всей книги сибирская земля сравнивается с райской обителью, уподобляется ей. Писатель постоянно подчеркивает мысль о божественном сотворении сибирского края: «Нет, все здесь задумывалось и осуществлялось мерою щедрой и полной, точно с той стороны, от Тихого океана, и начал Всевышний сотворение Земли и повел его широко, броско, не жалея материала, и только уж после, спохватившись, что его может не хватить, принялся выкраивать и мельчить» [4, с. 46].

Особенно ярко сопоставление с райской землей прослеживается в повествованиях о «чудесах», уникальных местах Сибири: к примеру, Телецкое озеро и Алтай сравниваются с Беловодьем – легендарной страной, земным раем [4, с. 46] (этому посвящена вся пятая глава «Горный Алтай»). Великий Байкал сам уподобляется божеству, а его окрестности и заповедные места наполнены особой силой, духом, который позволяет человеку «думать вровень с духом» [4, с. 94]. Русское Устье – уникальное, отчасти заповедное место, труднодоступное, сохранившее в себе самобытность – также характеризуется как райский уголок, а точнее – крестьянский рай, Беловодье, в котором уберегли родной язык от влияний, устное народное творчество и русское самосознание предков. Это своеобразный заповедник старинной северорусской культуры, в котором законсервировался северный великорусский язык XVI века.

Таким образом, в книге «Сибирь, Сибирь...» В. Г. Распутина образ Сибири связан с представлениями об исключительности, уникальности этого места и наделен метафизическим статусом. Сибирь отождествляется с земным раем, в котором царит изобилие, праведность, чистота, а надежда на спасение человечества в недалеком будущем возлагается на нестигаемый сибирский дух, ее духовную силу.

Список использованных источников

1. Белая, Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. – М.: Наука, 1983. – 189 с.

2. Смирнова, А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие / А. И. Смирнова. – М.: Флинта, 2012. – 165 с.

3. Рыбальченко, Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века [Электронный ресурс] / Т. Л. Рыбальченко. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html. – Дата доступа: 17.11.2021.

4. Распутин, В. Г. Сибирь, Сибирь... / В. Г. Распутин. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 304 с.

Abstract. This article research the semantic content of image of Siberia on the material of book «Siberia, Siberia...» which concentrate main ideas and themes of writer's work. Siberia is main and the most important image of Rasputin's work. The image of Siberia is considered in context of writer's mythopoetics.

Keywords: V. G. Rasputin, the book «Siberia, Siberia...», artistic image, Siberia, mythopoetics, semantics.

УДК 821.161.1-192

М. Д. Капитанова
Научный руководитель – **Е. Л. Гречаникова**,
старший преподаватель

МОТИВ ПУТИ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ НЕХУДОЖНИКА

Аннотация. В статье исследуется специфика реализации мотива пути в песенной поэзии Ивана Ульянова, выступающего под псевдонимом Нехудожник (на примере альбома «Маленькая роща деревьев дикой вишни»). Выявлены и проанализированы элементы художественного мира (образы моря, корабля, птицы и др.), с помощью которых в песенной поэзии Нехудожника реализован мотив пути.

Ключевые слова: мотив пути, Нехудожник, образ моря, образ корабля, романтическое двоемирие.

Мотив пути обнаруживается во многих произведениях как античной литературы, так и современной: «Одиссея» Гомера, «Божественная комедия» Данте Алигьери, «Паломничество Чайльд-Гарольда» Д. Г. Байрона, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и мн. др. В творчестве Ивана Ульянова, выступающего под псевдонимом Нехудожник, в частности в альбоме «Маленькая роща деревьев дикой вишни», мотив пути становится организующим началом. В одном из треков музыкант так определяет тематику альбома: «Послушайте, господа, это история о мёртвых богах, о великой любви, о деревьях, цветах и о том, как *корабли уходят в закат*» [1].

На протяжении всего пути лирический герой стремится попасть туда, где его ждёт возлюбленная и где он сможет почувствовать себя «домом»: *Путь домой в страну горных вершин* [2]; *по приезде я увижу её* [3].

В пути лирического героя ожидают **испытания**: *сражения с пиратами, богом, морской стихией: Пусть с лязгом мечей, но я прорвусь, // ведь никто не говорил, что будет легко. // И пусть по морю крови проложен мой путь* [4]. Таким образом, мотив пути непосредственно связан с **мотивом борьбы, преодоления** препятствий.

Одним из испытаний героя становится встреча с *Аквилоном*, древнеримским богом северного ветра. В трек «История Аквилона» автор также